

КОНФЕРЕНЦИЯ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОШЛОЕ

10 ноября на факультете истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена состоялась Всероссийская научная конференция «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды».

«Наша ежегодная конференция выросла в масштабах: сегодня практически каждая кафедра факультета истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена представляет свою секцию», — отметил заведующий кафедрой русской истории Андрей Николаев, открывая мероприятие. — Неважно: 90 лет прошло с тех событий или 100, мы не перестаем изучать вопросы революции, для нас они всегда значимы и интересны».

Пленарное заседание началось с доклада декана факультета истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена Алексея Воронцова. «Февральская революция — политический переворот, но не социальный, в отличие от Октябрьской, которая пробудила национальный дух России», — подчеркнул Алексей Васильевич.

Дискуссию о предпосылках революции продолжил профессор кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) Владимир Калашников, выступивший с докладом «Парадигма «пессимистов»: к вопросу о причинах Русской революции 1917 года». Он обозначил основные подходы к изучению тех событий, существующие в научном историческом сообществе. В своем выступлении Владимир Валерьевич выделил новаторские тезисы, выдвинутые профессором Герценовского университета А.Б. Николаевым в его двухтомнике «Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года»: «После февраля власть имела думско-советский характер, а не советский, как было принято считать в историографии XX века. Появилась «третьемартовская» политическая система».

Завершал пленарное заседание доклад старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН Тамары Абрисимовой («Студенты Петрограда в 1917 г. (протестность и политические предпочтения)»).

Работа конференции была разбита на шесть секций: «Временная власть в 1917 году», «Экономика России в период революционных потрясений», «Международные аспекты Великой российской революции 1917 года», «Социология революции», «Политические последствия революции 1917 года в России и мире», «Революция 1917 года в контексте школьного исторического образования». Свои доклады представили ведущие ученые и сотрудники Герценовского университета, СПбГУ, ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина), БГУ «Военмех» им. Д.Ф. Устинова, ПСПбГМУ им. академика И.П. Павлова, РГГУ, НГУ им. Н.И. Лобачевского, Санкт-Петербургского института истории РАН, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Государственного музея политической истории России, Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Государственного Эрмитажа, Военно-медицинского музея, а также зарубежные коллеги из Канады и США, учителя школ, студенты, магистранты и аспиранты Герценовского университета.

ПОПЫТКА ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ФЕВРАЛЯ

К концу 2017 года обсуждение революции уже набило оскомину. Тем не менее, историки еще не приблизились к раскрытию всех вопросов, окончательно не установили взаимосвязь и последовательность тех событий. На кафедре русской истории Герценовского университета проблемами революции занимались всегда — неважно, юбилейный это год или нет. Здесь ломают устоявшиеся стереотипы, спорят с другими историческими школами, ищут новые документы и доказывают свою правоту. 28 ноября в Центральном выставочном зале «Манеж» заведующий кафедрой, доктор исторических наук, профессор Андрей Борисович Николаев представил свою двухтомную монографию «Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года», опубликованную издательством РГПУ им. А.И. Герцена, и рассказал «ПВ» о работе над книгой и своем взгляде на февральские события.

— В чем именно Ваша монография «спорит» с другими книгами о революции?

— Я установил, что, начиная с 27 февраля 1917 года, решающую роль в революции играла Государственная дума. Правда, действовала она не одна, а вместе с Петроградским Советом рабочих (а с вечера 1 марта — солдатских) депутатов. Именно поэтому, идя рука об руку, они смогли свергнуть самодержавие. Этим объясняется и то, что монархия 300 лет держалась, а потом взяла и рухнула. Все очень просто: либералы по-настоящему объединились с социалистами, у них была общая цель. Да, потом они разбегутся, но в этот момент они были вместе. Была создана думско-советская власть, которая существовала эти пять дней. Это взрыв всех существовавших шаблонов. Мы ведь помним из советских книг, что эсеры и меньшевики считали, что брать власть в руки еще рано. В мозгу наших исследователей осело, что Петроградский Совет, состоящий преимущественно из эсеров и меньшевиков, не собирался брать власть, но это было не совсем так. Совет, сотрудничая с Думой, через совместные комиссии и думско-советских комиссаров де-факто осуществлял властные функции. Ни одного комиссара в центральных учреждениях от Совета не было, все они были преимущественно депутатами Государственной думы, поэтому не было и бойкота, и все получилось. Исключение, правда, составили член Государственного совета Д.Д. Грим, назначенный Временным комитетом Думы комиссаром в Государственную канце-

лярию и Мариинский дворец, и меньшевик Б.А. Шелов, отправленный советско-думской Продовольственной комиссией комиссаром в Интенданство.

Если бы я нашел подтверждение тому, что руководящую роль в Февральской революции сыграла партия большевиков, то, поверьте, я бы оба тома книги посвятил бы партии большевиков и конкретно тем, кто делал революцию. Если бы это был исключительно Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, то в монографии об этой его руководящей роли и шла бы речь. В итоге же получилась другая история, а я оказался в гордом пугающем одиночестве.

— Почему же раньше никто этого не доказал?

— Поставив вопрос о том, кто руководил Февральской революцией, я бросился не к книгам, потому что в них ответ один: партия большевиков. Или же Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Это я и так знал, поэтому пошел дальше — в архивы, которые, кстати говоря, открыты с 1960-х годов. Советским историкам не надо было искать ответ на этот вопрос. Он был уже дан в «Кратком курсе истории ВКП (б)». Их так научили, и переучиваться было уже трудно.

— Андрей Борисович, Вы много времени провели в архивах, неужели удалось найти все необходимые документы?

— Мне не хватает двух главных документов. В истории Февральской революции есть такие источники, в существовании которых со-



мневаются. Во-первых, это протокол (журнал) заседания Временного комитета с 27 февраля и по 10 марта. Упоминание о нем встречается в воспоминаниях депутата IV Государственной думы С.И. Шидловского, но никто из историков этого документа не видел и не использовал в своих исследованиях.

Во-вторых, постановление Совета старейшин от 27 февраля. Хотя его я, наверное, ищущий. Этот легальный орган Государственной думы вообще не вел делопроизводства. Почему он важен? По моему мнению, Совет старейшин около 1 ч. дня 27 февраля принял два важных решения. Первое: «Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах»; второе: «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Государственная дума примет живейшее участие, но для этого, прежде всего, необходим порядок и спокойствие». Напоминаю, император еще не отрекся от престола, когда Дума решила встать на революционные рельсы. Мои же коллеги со мной не согласны. Доказав свою точку зрения я мог бы только при наличии постановления Совета старейшин, но его, как я уже упоминал ранее, скорее всего, не существует. Остальные документы, известные

мне, в книге представлены. Нет, наверное, только тех, о которых я совсем не знаю, потому что никто о них никогда не говорил.

— Где можно достать эти источники?

— Документы я нахожу не только в архивах, мне их зачастую приносят. Так было, например, с моей докторской диссертацией. Накануне сдачи книги в издательство и завершения моей докторской происходила какая-то фантастика — все тащило ко мне свои находки. Однажды мне позвонил мой хороший друг, историк русского авангарда Андрей Крусанов со словами:

— У моего знакомого антиквара есть хороший документ, очень интересный...

— Я занят докторской, — ответил я ему.

— Хотя бы выслушай меня!

И я его выслушал. Точнее, не успел он закончить свою речь, как я уже спрашивал, куда ехать. Случилась фантастическая вещь, у историков такое бывает раз в жизни. Документ этот назывался «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 года». Он пропал в сентябре 1917 года. Я съездил к антиквару, выяснилось, что ему как раз нужна историческая экспертиза протокола. Я подтвердил, что такой документ был, он потерялся и сейчас лежит у него. Антиквар попросил меня написать статью для журнала «Антик. Инфо» об этом протоколе: он его собирался продавать. Вставить в свою книжку какие-то эпизоды из документа я смог, но не много: верстка ее была уже готова, по идее ничего переделывать было нельзя. Следом мой друг, возвращавшийся из Штатов, прислал письмо, в котором сообщал, что везет уйму документов. Где же все они были в прошлом году? Пять лет назад? Почему это происходит тогда, когда надо выдавать окончательный продукт? Поэтому в моей голове осталось некоторое неудовольствие от незаконченной работы: все-таки найденное надо вставить в продолжение книги, и следующие 11 лет я ждал тех самых двух главных документов. Пока не дождался.

— Вы также занимались фигурой Керенского, но лидером революции его не считаете. Почему?

— Лидером революции он, конечно, был, но не главным и не единственным. В дни Февраля он много работал по указанию именно председателя Государственной думы М.В. Родзянко. Например, как, по-Вашему, восстановились в Таврическом дворце? Большинство исследователей пишут, что солдаты ворвались во дворец. Я придерживаюсь другой версии и доказываю, что все было для этого подготовлено Родзянко: он запретил охране оказывать сопротивление восстановившим и приказал открыть калитку, а Керенский ввел восстановивших, хотя они не хотели идти. Так получилось, что Родзянко сам создал Керенского как одного из лидеров революции, приложил к этому руку. Например, именно Родзянко фактически сделал из Керенского главного по арестам. На этой миссии Керенский и работал себе имя, став, кстати, министром юстиции Временного правительства первого состава. Хотя, справедливости ради, заметим, что образ лидера революции был сформирован с помощью прессы несколько позднее.

— Можно ли было избежать обеих революций? В чем их причина?

— Что касается причин революции, я о них не пишу. Это значит угрожать книге. У нас масса книг вышла о причинах революции, и никто так толком ничего и не объяснил. Это бесконечный разговор. Последняя новация в этом вопросе — Первая мировая война как причина. Другая теория — заговорщическая, а это, значит, и не революция была, а успешно реализовался заговор Гучкова или других фигур. Да, в обще-

стве того времени говорили о том, что надо все менять, было ожидание перемен, но это ничего не объясняет. Я этим пока не занимался специально, чтобы не отвлекаться, и пока придерживаюсь мнения, что революция вспыхнула стихийно. Для меня было важно понять, каким образом центр, который сложился в Таврическом дворце, подмял эту стихию под себя, заставил солдат слушать революцию.

— Сфера Ваших научных интересов охватывает в основном события и персоналии Февральской революции. Никогда не хотелось заняться чем-то другим?

— Конечно, хотелось. После защиты докторской и выхода моей книги о Феврале (которую я называю «Розовая книга о Февральской революции»), потому что она вышла в розовом бумажном переплете) я взял себе новую тему. Думал, что надо от Февраля убежать, убежать, убежать. Я все время занимался изучением истории Временного суда в Петрограде в марте — июле 1917 года. Это тоже очень интересно, хотел в этом году выпустить монографию о нем, но, знаете, Февраль вцепился в меня и не отпускает. Нашел новый любопытный материал, возникла идея написать ошибки. Я наделю, все: хорошая обложка, красивая бумага, прекрасное издание «Думской революции» — это, возможно, шанс вырваться из Февраля и заняться чем-то другим, дописав, наконец, книгу о Петроградском временном суде в 1917 году!

— На конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» Вы упомянули о создании проекта по жертвам Февральской революции. Расскажите о нем подробнее. Как будет вестись эта работа, и во что она должна вылиться?

— Мысль о том, что надо, наконец, разбраться в вопросе о жертвах Февральской революции 1917 года в Петрограде, давно уже не оставляет меня. Не скрою, что я даже ряд работ посвятил этому вопросу, развенчивая миф о «бескровном» Феврале 1917 года. Кстати, много лет назад начал составлять список жертв Февральской революции в Петрограде, но вскоре оставил эту затею, понимая, что работа эта отнимет много времени и сил, если я буду заниматься ею в одиночестве. Сейчас я уже вижу круг исследователей, главным образом, из моих учеников, которые справятся с поставленными задачами; установлен и круг источников, благодаря которым можно достигнуть цели исследовательского проекта. Осталось собраться с силами и подать заявку в РНД: вдруг проект будет поддержан? И если это произойдет, то специалисты и все интересующиеся историей Великой российской революции получат справочник или даже энциклопедию жертв Февральской революции в Петрограде.

— Сколько времени еще может потребоваться историкам, чтобы окончательно установить все, что произошло тогда, осмыслить те события?

— Думається, что 100-летие революции 1917 года послужит толчком к дальнейшему изучению истории Февральской революции. Сейчас еще трудно подводить итоги юбилейного года. Но можно утверждать, что вышел ряд интересных трудов по истории революции, поставлены новые проблемы, которые необходимо разрешить. Иначе говоря, 2017 год — стал важным этапом в изучении истории революции 1917 года. Кстати, выяснилось, что историков, которые специально занимаются на протяжении долгого времени ее историей, не так уж и много. Юбилей показал, что надо и специалистам готовить по революционной тематике, и новые центры создавать по изучению революции 1917 года.

Снежана МАЖЕКЕНОВА,
корреспондент «ПВ»

В ЦЕНТРЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ



6 декабря завершила свою работу выставка «Петроград, 1917. Хроника событий». В ее рамках состоялась презентация монографии заведующего кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена Андрея Николаева и экскурсия доцента кафедры русской истории Дениса Бажанова, научного консультанта, разработавшего концепцию экспозиции.

Проект представляет хронику жизни Петрограда на протяжении 12 месяцев революционного года. Именно Петроград — центр революционных событий, борьбы и противостояния, надежд и потерь, веры и безверия — стал главным героем «Манежа» на целых две недели.

При подготовке материалов, длившейся более полутора лет, была разработана концепция, суть которой состоит в попытке отразить взгляд на революционные события глазами горожанки. Поэтому революционный процесс был представлен в трех плоскостях: политической, бытовой и культурной.

Свое отражение в выставке нашли яркие событийные фотографии, портреты политических деятелей, писателей, поэтов, музыкантов, популярных артистов театра, цирка, кино и эстрады; карикатуры, шаржи, афиши и плакаты; фрагменты из дневников и воспоминаний.

Помимо хроники событий, на выставке были представлены оригинальные предметы

интерьеров петроградских домов и учреждений, знамена, оружие, военное обмундирование, повседневные и театральные костюмы из собраний петербургских музеев и частных коллекционеров. Личные вещи императора Николая II, императрицы Александры Федоровны и царицы Александры, реквизит последней постановки Императорского театра, экспонаты с крейсера «Аврора», оружие, элементы быта и интерьера покинутых в 1917 г. навсегда петроградских домов.

В качестве фона использованы декорации спектакля «Маскарад» постановки В.Э. Мейерхольда. Уходящая под потолок «Манежа» карусель, в центре которой воспроизведены цветные декорации А.Я. Головина к роскошной и символической, как впоследствии говорили, постановке, шедшей в Александринском театре в те самые драматические дни, 25 февраля 1917 г. На переднем плане — документальные фото вооруженных солдат, матросов и рабочих в захваченных грузовиках. Столкновение двух контрастных и непримиримых

миров, старого и нового — суть революции и идея центральной установки инсталляции, как замыслу ее автора, народного художника России Бориса Мессерера.

Выставка сопровождалась научными мероприятиями, в которых приняли активное участие преподаватели Герценовского университета: состоялась презентация монографии Андрея Николаева, авторская экскурсия Дениса Бажанова, круглый стол обсудили вопросы, связанные с состоянием русской армии и флота накануне и в ходе революционных событий, была рассмотрена роль бытовых факторов, политической пропаганды, а также позиция формирующихся национальных военных частей. Спикерами выступили доценты кафедры русской истории Денис Бажанов и Александр Захаров.

По материалам сайта ЦВЗ «Манеж»